

[В. Р. ЩИГЛЕВ]

«Живые цветы»

(Сон Победоносцева)

Что давно усладой было
Лишь для умственного взора,
И чего давно желало
Сердце Обер-Прокурора —
Виц-мундирного монаха,
То, чего просил у неба,
То свершилось воочью,
Отошли везде обедни;
Светит солнце над синодом¹;
Шум, оружия бряцанье;
Площадь занята народом.
За толпой штыки и пики —
Вид колючего забора...
И в восторге бьется сердце,
Сердце Обер-Прокурора.
Что за странное виденье?
Вот дрова, пучки соломы —
Не костер ли для сожженья?
Да, костер и столб и цепи,
(Из музея видно взяты),
И от факелов в сторонке
Дым струится синеватый.
Вот и «он» среди конвоя —
Еретик, в рубашке белой,
Он — ругатель веры нашей,
Лжеучитель закоснелый.
«Так иди ж, склонивши выю,
Под ярмом греха, позора!»
И опять взыграло сердце,

Сердце Обер-Прокурора.
«Дайте факел. Сам зажгу я
Сей костер во славу Божью!
Обвивайте цепью крепко!
На смолу вы не скупитесь!
Вы, смиренные, вы паки
Миром Господу молитесь!

.
Факел мне!»... И вот все гуще
Дым струится синеватый,
Камилавки закрестились,
Замолились «Паки, паки»,
И им вторить медным гласом
По соседству стал Исакий.
Дым все гуще; запыляет
Весь костер смолистый скоро,
И совсем в восторге млеет
Сердце Обер-Прокурора.
Вдруг... что это? Козни беса?
Анархистов шутки злые? —
Над толпой цветная туча,
И летят цветы живые:
На толпу, костер и митры,
На коней, на казакины²
Густо падают левкой,
Розы, ландыши, жасмины,
И над площадью бесшумной
Ходят волны аромата...
Кучка митр и камилавок
Видит, ужасом объята,
Как, все гуще осыпая
Весь костер, цветы стремятся
Загасить огонь священный...
И... дрова уж не дымятся...
«Да воскреснет Бог! Спаситель!»
Раздались повсюду крики.
Вон смешались в общем бегстве
Камилавки, митры, пики...
Прокурор глядит и видит,
Полный страха и тревоги, —
По ковру цветному сходит
Лжеучитель босоногий...
«Ах, уйдет он невредимый!

Нет колючего забора!»
И в испуге беспокойно
Бьется сердце Прокурора.
Он с трудом перекрестился,
Безнадежно оглянулся,
Закричал визгливо: «Люди,
Помогите!» — и проснулся.
«Слава Богу! Это были
Только чары Черномора».
И спокойней стало биться
Сердце Обер-Прокурора.
«Все по-старому. Я в доме
Синодальном, на Литейной³,
Но... такое сновиденье!
Да с окраскою идейной!»
И — о ужас! Посрамленье!
Православья сила, где ты?
Наяву цветы! — Вот пишут
В новом номере газеты,
Там, на выставке, бросали,
Оскорбив синод глубоко,
Из цветов живых букеты
Пред... портретом лжепророка!^{*4}
Боже правый! Видно, скоро
Будет светопреставленье!
Или, может быть, и это
Сновиденье? Сновиденье...

* После отлучения от церкви Л. Н. Толстого его портрет на Передвижной выставке в Петербурге был публично осыпан цветами. *Ред.*